

**ВЯЧ. ИВАНОВ. ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ / ИЗДАНИЕ
ПОДГОТОВИЛИ А. Л. ТОПОРКОВ, О. Л. ФЕТИСЕНКО, А. Б. ШИШКИН.
М.: ЛАДОМИР, НАУКА, 2015. 824 с. (ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ)**

© 2017 г. Е. А. Тахо-Годи

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а,
takho-godi.elena@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию 10 апреля 2017 г.

**VYACH. IVANOV. TALE OF PRINCE SVETOMIR / NOTES, ARTICLES, AND TEXTUAL
EDITING BY A. L. TOPOORKOV, O. L. FETISENKO, A. B. SHISHKIN. MOSCOW:
LADOMIR, NAUKA PUBL., 2015. 824 p. (LITERARY MONUMENTS) (IN RUSSIAN)**

© 2017 Elena A. Takho-Godi

Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS,
25a Povarskaya str., Moscow 121069, Russia,
takho-godi.elena@yandex.ru

Received by Editor on April 10, 2017

Серия “Литературные памятники” из десятилетия в десятилетие радует ценителей своими книгами. Скрупулезная тщательность изданий – прекрасное свидетельство того, что и в наше, по определению Умберто Эко, “жидкое время” (т.е. время расплавления всех духовных ценностей) сохраняются лучшие традиции отечественной филологии как науки строгой, имеющей свои собственные методы. Минувшие года не стали исключением. Выпущены “История о делах великого князя московского” Андрея Курбского (изд. подгот. К.Ю. Ерусалимский, перевод – А.А. Алексеев), историческая трагедия М.П. Погодина “Марфа, Посадница Новгородская” (изд. подготовили Л.Г. Фризман, К.В. Бондарь, отв. ред. И.Г. Птушкина), “Чертовы куклы” Н.С. Лескова (изд. подгот. А.А. Шелаева), “Белая гвардия” М.А. Булгакова (изд. подгот. Е.А. Яблоков). Впреддверии 195-летия Ф.М. Достоевского и 170-летия публикации его дебютного романа “Бедные люди”, напечатан том, реконструирующий атмосферу, в которой произведение создавалось и прочитывалось. Помимо самого романа, в книгу вошли переписка писателя с братом Михаилом, отклики современников, рецензии, стихотворные и прозаические пародии. Всё это снабжено и монографическим исследованием готовившего том К.А. Баршта «Литературный дебют Ф.М. Достоевского:

творческая история романа “Бедные люди”», и исчерпывающим историко-литературным и реальным комментарием, впервые фиксирующим внимание на юридических правилах, регламентировавших жизнь и быт российского чиновничества, а значит и героев Достоевского. Подарком читателям к еще одной отмечавшейся в 2016 г. дате – к 150-летию Вяч. Иванова – стала подготовленная А.Л. Топорковым, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкиным книга знаменитого поэта-символиста “Повесть о Светомире царевиче. Сказание старца-инока” [1].

Выбор из всего наследия Вяч. Иванова именно “Светомира” для “Литературных памятников” может показаться неожиданным – ведь серия предполагает издание текстов, имеющих историческое или историко-литературное значение для своего времени. Если бы речь шла о выпуске в серии таких ивановских поэтических сборников, как “Кормчие звезды” или “Sordens”, это выглядело бы вполне логично – они, без сомнения, были и будут вершинными явлениями литературной эпохи Серебряного века. Но может ли быть “памятником” ивановская “Повесть о Светомире царевиче” – произведение незаконченное, вышедшее в свет не только после смерти автора, но уже в совсем иную литературную эпоху, в 1971 г., и уже не способное в новом

историко-культурном контексте оказать какое-либо влияние на текущий литературный процесс? Все эти вопросы были бы законными, если бы не два обстоятельства.

Во-первых, “Повесть” является “духовным заповещанием” Вяч. Иванова, плодом многолетних раздумий. Хотя официальной датой начала работы над “Повестью” считается 1928 г., но на самом деле замысел ее вынашивался издавна — первые подступы обнаруживаются еще в самом начале ивановского литературного пути, в конце XIX столетия. Такая поразительная преданность сюжету об истории рождения, воспитания Светомира, его монашестве, смерти и воскресении в образе Царь-Девы подтверждает его особую значимость для самого автора. Во-вторых, “Повесть” — спустя десятилетия — вбирает и итожит основную палитру чаяний символистской эпохи с ее духовными странствиями и блужданиями в поисках истины — то Третьего Завета, то Софии Премудрости Божией, то неославянофильства, то “нового средневековья” и проч.

Настоящий том состоит из трех частей. Первая — это сам текст “Повести”, заново выправленный по рукописям О.Л. Фетисенко и потому отличающийся от первой печатной версии 1971 г. Публикация 1971 г., как показывает О.Л. Фетисенко, имеет расхождения не только с автографами, но и с машинописными копиями, делавшимися в процессе подготовки брюссельского собрания сочинений Вяч. Иванова. Списки расхождений начала готовить сотрудница Рукописного отдела ИРЛИ РАН Л.Н. Иванова, но после ее кончины в 2006 г. было принято решение начать текстологическую работу заново, “с чистого листа”. В итоге теперь мы получили текст, выверенный по всем имеющимся на сегодняшний день источникам, освобожденный от многочисленных неверных прочтений. Для всех, кому принципиально важно знать, каковы эти источники, в конце тома, в “Примечаниях”, даны их сводная таблица [1, с. 266–269] и исчерпывающее описание [1, с. 269–276].

Здесь же, в “Примечаниях”, помещены редакции и варианты основного текста “Повести”, а все выявленные на сегодняшний день наброски, планы и предварительные материалы, в том числе редакции входящих в ткань “Повести” поэтических текстов (“Во темном сыру бору...”, “<Песня Светомира>”, “<Колыбельная Светомиру>”), собраны во второй части книги, в разделе “Дополнения”. Тут и исходный «План “Комедии о славных мужех Владаре и Боривое и Владареве сыне Светомире»» 1894 г., наброски «Светомир на Святой

Горе», черновые наброски к третьей и четвертой книгам “Повести”, ее планы, в том числе план двух актов для ее сценической постановки, подсчеты количества глав по отдельным книгам, различные ивановские выписки: библиографического характера или отдельных слов и выражений, связанных с темой порчи, с архитектурной и декоративной терминологией, из житий святых Параскевы Пятницы и Ефросинии Полоцкой. Все эти материалы из разных архивов разных стран (это не только римский архив Вяч. Иванова, но и Рукописный отдел ИРЛИ) впервые объединены вместе, что позволяет точнее представить этапы формирования замысла и его воплощения, а также по мере возможности заглянуть в творческую лабораторию автора, ощутить своеобразие его работы со словом — особо значимой, когда речь идет о стилизации под памятник древнерусской литературы.

Третья часть — “Приложения” — открывается тремя исследовательскими статьями.

В статье А.Л. Топоркова на основании документальных материалов (в первую очередь писем и воспоминаний) прослеживается история создания “Повести” — от возникновения ее сюжета и вплоть до планов ее продолжения. Дается обзор возможных источников, характеристика жанровой природы текста, определяется профетический пафос этой “русской Библии” [1, с. 213]. Статья предельно насыщенная, многие положения излагаются буквально тезисно. Так, например, в ней мелькает сравнение “Повести” с оперой Н.А. Римского-Корсакова “Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии” (см.: [1, с. 180, 182]). Остается пожалеть, что это упоминание никак не развернуто, так как подобное сопоставление хорошо бы “рифмовалось” со статьей Д.М. Магомедовой (о ней см. ниже). Представленная в 1907 г. опера “русского Вагнера” недаром именовалась «русским “Парсифалем”» (см. статью М. Пашенко «Система лейтмотивов в либретто “Града Китежа”» и полемические реплики к ней М. Рахмоновой и В. Горячих [2, с. 213–258]), а между ее текстовой основой (либретто В.И. Бельского) и “Повестью” есть определенный параллелизм: русское средневековье, эпоха татаро-монгольского ига, мир легенд и преданий о невидимом граде, ориентация на традиции древнерусской литературы, духовной поэзии: о пустыне, о Иосафе царевиче, Плач Адама, о матери сырой земле, о Страшном суде, о Покрове, о Хождении Святой Девы, о Василии Кесарийском, а также воздействие духовных стихов о Егории Храбром (столь значимых для ивановской “Повести”) на «важнейший источник “Китежа”

Римского-Корсакова» – на “Книгу глаголемую Летописец”, что в свое время было отмечено в книге “Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд” В.Л. Комаровича в 1936 г. (см. статью В. Горячих «О жанровой природе “Сказания о невидимом граде Китеже”» [2, с. 110–112]).

Ю.Б. Орлицким рассмотрены особенности ритмической организации “Повести”. Исследователь констатирует, что Вяч. Иванов “последовательно обращается к версейной строфе” [1, с. 221] на последнем этапе работы, в 1949 г. [1, с. 225]. Версе автор определяет как “форму строфически организованной прозы, для которой характерен, во-первых, малый объем всех или подавляющего большинства строф, во-вторых, их относительная упорядоченность по объему и, в-третьих, тенденция большинства строф к синтаксической завершенности, формально – к совпадению с одним предложением” [1, с. 222–223]. Использование версе Вяч. Ивановым объясняется поиском “новой формы прозаизации” [1, с. 227], воздействием на версе Библии, так как с моделью библейской строфы теснее связаны “произведения авторов, пророческая претензия которых очевидна: Ф. Ницше и У. Уитмена” [1, с. 224]. При этом звуковая инструментовка, высокая метризация прозаического текста, колеблющаяся от 30 до 40% (чуть ниже 30% – в пятой книги “Повести”), под пером Вяч. Иванова приобретают более органичный характер, чем нарочитая и монотонная метризация у А. Белого (см.: [1, с. 232]).

В статье Д.М. Магомедовой анализируется вагнеровский слой: “Повесть” сопоставляется с поздними операми Вагнера, с тетралогией “Кольцо нибелунга” и “Парсифалем”. По мнению исследовательницы, пять книг “Повести” сюжетно «приблизительно соответствуют первым двум операм из “Кольца нибелунга”, где дана предыстория главного героя – Зигфрида, рассказ о рождении и гибели его родителей, возникновении Валгалы, а также важнейших для всей тетралогии магических предметов – золотого кольца, меча Нотунга и копья Нотунга» [1, с. 235]. Но дело не ограничивается лишь сюжетными параллелями: как показывает автор, можно выявить и параллелизм в историсофском замысле “Повести” и вагнеровских опер, где “разворачиваются два варианта эсхатологического мифа о судьбе европейской гуманистической культуры” [1, с. 235]. Но параллелизм вовсе не означает буквальное следование по вагнеровским стопам: «историсофская концепция Повести выглядит <...> прямым антиподом “Кольца нибелунга”» – у Вяч. Иванова обречен на гибель “мир, основанный на индивидуалистическом самоутверждении”, тогда как

“мир, преображенный и просветленный христианством, этикой жертвенности, самоотречения, побеждает смерть” [1, с. 244].

Той же цели – исчерпывающему герменевтическому прочтению “Повести” – служат и составленные А.Л. Топорковым примечания к тексту. Задача комментирования “Повести” и увлекательна и многосложна, что обусловлено особенностями ивановского мировидения, его религиозно-философскими умозрениями, поразительным энциклопедизмом и полигистерством, сродством со всей мировой культурой – от античности до середины XX столетия. Тут требуется многолетнее “вживание” в логику художественного мышления. Недаром в ходе подготовки примечаний к “Повести” А.Л. Топорковым уже была выпущена монография «Источники “Повести о Светомире царевича”: древняя и средневековая книжность и фольклор» [3]; см. также: [4, с. 17–34]; [5, с. 35–46]. В ней последовательно рассматривались пришедшие в “Повесть” темы и образы из Священного Писания, из памятников древнерусской и средневековой европейской литературы, из духовных стихов. Это интереснейшее, чрезвычайно информативное исследование, с исчерпывающим учетом всей предшествующей научной литературы, стало своего рода пролегоменами к нынешнему труду и во многом способствовало превращению настоящего издания в своего рода “энциклопедию одного произведения”.

Однако выпуск книги отнюдь не поставил точку в комментировании текста. На презентации тома в ИРЛИ РАН в ходе конференции к 150-летию Вяч. Иванова 18 февраля 2016 г. О.Л. Фетисенко выдвинула гипотезу о новом претексте ивановского “Светомира”: это повесть писательницы-славянофилки Кохановской (псевдоним Надежды Степановны Соханской) “Рой-Феодосий Саввич на спокое”, опубликованная в газете И.С. Аксакова “День” в 1864 г., за два года до рождения Вяч. Иванова. По мнению О.Л. Фетисенко, считать эту повесть претекстом “Светомира” позволяет не только большое число реминисценций, параллелей, общих топосов, мифологем, используемых в характерных и одинаковых сочетаниях сюжетных линий, исключая случайность совпадений. Важнее то, что произведение Кохановской являет собой звено между языком Священного Писания, синаксарей, древнерусских повестей, фольклора и языком “Повести” Вяч. Иванова. Объединяет их и общая интенция – создать словесную икону “русского

космоса”, и одинаковая литературная задача — найти новый стиль эпического повествования¹.

Будем ждать обещанной исследовательницей статьи с подробной аргументацией этой неожиданной гипотезы. А пока от себя можем выдвинуть еще одну.

В 1849 г. “Новгородские губернские ведомости” напечатали “Рукопись старицы игуменьи Марии, урожденной княжны Одоевской”, датируемую ее публикатором, Р.Г. Игнатьевым, XVI в. Перед читателями развертывался не только домашний быт второй половины XV в. или воспоминания о покорении Новгорода Иваном III, заставляющие вспомнить о карамзинской “Марфе-Посаднице”, но и увлекательная история любви княжны Серафимы к бедному Назарию, закончившаяся смертью Назария и пострижением княжны в иноческий чин под именем Марии. Именно она, став игуменьей монастыря, решает незадолго до смерти сама изложить историю своей жизни: “Сей бо Назаріи отъ младости, паче рещи дѣтска возраста пребываше въ дому у Государя моего батюшки Князь Михайла, младъ бе дѣтнннщъ остася отъ отца своего, иже погубиша вороги, егда исхождаше изъ церкви по утріе пѣнїя на само Рождество Христово и начаша ходити молва по Новуграду; яко бы то нѣцію от Посадникъ его сгубиша, но неже мняше его быти недоброхота себѣ и на Москву ѣздивша ради потребъ некихъ и тамо прїязненныхъ собѣ имѣюще” [6]. Публикация в провинциальной газете вызвала живой интерес и споры в столичных кругах, преимущественно славянофильских. Если это не мистификация, писал 20 февраля 1850 г. И.С. Аксаков отцу, то тогда “это вещь предрагоценная” [7]. Однако перепечатавший “Рукопись” в 1850 г. в “Москвитяине” в своем переводе на современный язык М.П. Погодин безоговорочно объявил ее подделкой неизвестного “новгородского Макферсона” [8]. В пользу мистификации говорило и то, что “оригинал” дневника княжны Одоевской оказался утраченным при возникновении первых же сомнений в его подлинности². Как пишет современный исследователь, “автор и мотивы подлога до сих пор остаются неизвестными” [10, с. 228]. Отводя подозрение от напечатавшего ее Р.Г. Игнатьева, член-корреспондент С.-Петербургской Императорской Академии наук Н.Н. Навроцкий

утверждал в 1851 г., что “написать целую книгу везде одинаковым разговорным языком, бывшим более 3-х столетий до нас в России в употреблении, гораздо труднее, чем найти рукопись и ее отпечатать”. При этом он указывал, что ее содержание “имеет все достоинства исторического романа” [12]. Не исключено, что именно эти споры могли подвигнуть Кохановскую к идее самой попробовать, каково писать “везде одинаковым разговорным языком, бывшим более 3-х столетий до нас”.

Интерес к “Рукописи старицы игуменьи Марии” возродился в ивановские времена — в 1912 г. она была переиздана под заглавием “Записки княжны Одоевской”. Тираж был мизерным — 50 экземпляров, упоминаний о книге в ивановских материалах вроде бы нет, как, если не ошибаюсь, не встречается и прямых отсылок к сочинению Кохановской. Что же, однако, заставляет нас предположить, что “Записки княжны Одоевской” могли оказаться и в ивановском поле зрения? Исключительно имя ее издателя и автора предисловия, отстаивавшего ее подлинность, — Сергея Рудольфовича Минцлова: он не только исторический романист и страстный библиофил, но и младший брат знаменитой Анны Рудольфовны Минцловой, сыгравшей свою сложную роль в биографии Вяч. Иванова — и реальной, и духовной. Не исключено, конечно, что Вяч. Иванов мог знать об этой истории середины XIX в. и из совсем иного источника — из книг А.Н. Пыпина: “Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских” (1857), “Подделки рукописей и народных песен” (1898). Обратив внимание на этот сюжет тем более любопытно, что в наше время “Записки княжны Одоевской” предлагается рассматривать не как “фальсифицированный исторический источник”, но именно как “исторический роман, стилизованный под старинную рукопись” [13, с. 13], что вполне перекликается и с ивановским “сказанием старца-инока” о Светомире.

Энциклопедизм Вяч. Иванова, его способность “впитывать” (если вспомнить знаменитый пастернаковский образ поэта-губки), его поразительная “всемирная отзывчивость” столь интенсивны, что поиск претекстов, реминисценций, аллюзий, наверное, никогда не будет завершен. Настоящее издание его только стимулирует. Несомненно, что оно станет отправной точкой для новых литературоведческих исследований — и отдельных статей, и диссертационных работ, потому что выводит “Повесть” на иной научный уровень: она перестает быть предметом интереса только узкого круга профессиональных ивановедов.

¹ Запись выступления О.Л. Фетисенко вывешена на сайте Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме: <http://www.v-ivanov.it/novosti/2016/n3259/>

² Ю.И. Масанов изложил занимательную историю этого сочинения популярно [9, с. 86–93], теперь появились и научные работы [10]; [11, с. 35–50].

Завершающий книгу блок “Основные даты жизни и творчества Вяч. Иванова. 1866–1949”, составленный А.Б. Шишкиным, также есть залог на будущее — что рано или поздно будет воплощена давно осознанная необходимость создания научной летописи жизни и творчества поэта³. За последние два десятилетия, в том числе благодаря целеустремленности А.Б. Шишкина как хранителя римского архива Вяч. Иванова, для летописи заложен хороший фундамент — опубликован и прокомментирован огромный массив различных материалов, позволяющих осуществить эту непростую задачу. В определенном смысле на то же работает и визуальный ряд, сопровождающий текст в “Литературных памятниках”. Книга щедро иллюстрирована — более 150 листов иллюстраций. Среди них не только фотокопии страниц ивановских рукописей. Публикуются и фотографии книг с дарственными надписями Вяч. Иванову, и портреты самого Вяч. Иванова, причем некоторые впервые, как, например, портрет Вяч. Иванова начала 1930-х годов художника Марио Ачерби (1887–1982).

Издание выполнено настолько красиво и филологически тщательно, что выискивать недостатки, мелкие неточности или упущения даже не хочется. Конечно, можно пытаться выудить незамеченные или неугаданные аллюзии. Или задаться вопросом, почему при анализе ритмической организации “Повести” не учитывается опыт русской духовной литературы, к примеру агиографических текстов Епифания Премудрого (отсылки к нему есть и в примечаниях А.Л. Топоркова, и в его книге о “Светомиरे”) или таких жанров церковной поэзии, как каноны и акафисты. Или почему при анализе “вагнеровского слоя” никак не оговаривается отсутствие фактографических сведений о том, где и когда Вяч. Иванов слышал постановки вагнеровских опер или читал вагнеровские тексты. Но на фоне огромной работы всё это будет выглядеть как мелкие и надуманные придирки, как потуги “зоила”. Однако все-таки есть два важных пункта, о которых нельзя не сказать.

Первый: отказ от напечатания “Повести” в той орфографии, в которой она писалась Вяч. Ивановым. Конечно, мы привыкли переводить “старую” орфографию наших классиков XIX — начала

³ Подступы к этому уже делались Ю.В. Зобниным, подготовившим “Материалы к летописи жизни и творчества Вяч. И. Иванова” за 1866–1907 годы (см. сайт Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме: http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf) в преддверии анонсированной в 2012 г., но так и не появившейся биография Вяч. Иванова в популярной серии ЖЗЛ.

XX века на современную. Почему же в данном случае поступать так все-таки не следовало? Не только потому, что сам Вяч. Иванов был сознательным противником новой орфографии и активным борцом с ней — достаточно вспомнить его статью “Наш язык”, вошедшую в сборник “Из глубины”. Главное другое: в ивановской “Повести” старая орфография — это одно из художественных средств, это элемент его стилизации под древнерусский источник, так что такое переодвание из кафтана в камзол, перелицовка на новый лад менее всего уместна. Очень хочется, чтобы в готовящемся ныне в ИРЛИ РАН собрании сочинений Вяч. Иванова для этого текста сделали исключение и вернули бы ему его графический облик. Хотя бы в минимальном объеме, как при издании текстов в “Библиотеке литературы Древней Руси”, предназначенной для широкого круга читателей, где не воспроизводились все лингвистические особенности текстов, допускались определенные упрощения (заменялись все буквы, отсутствующие в современной графике, буквенные обозначения цифр, раскрывались сокращения под титлом и т.д.), но все же сохранялись “ять” (Ѣ) и концевые “ѣ” (обоснование такого принципа смотри в первом томе “Библиотеки” [14]).

Второй: отказ поместить в издании продолжение “Повести”, написанное О.А. Шор. Такое решение вроде бы ичерпывающе аргументируется, в том числе ссылками на эстетические принципы: текст О.А. Шор не выдерживает критерия художественности [1, с. 212]⁴. Издатели действуют, как реставраторы, которые безжалостно смывают все последующие наслоения, чтобы очистить первоначальный древний образ. Когда мы имеем дело с Ивановым-изографом, с его мастерски написанной “словесной иконой”, такой подход кажется законным, правомерным и объективным. Но именно “кажется”. Боюсь, что тут больше не объективности, а необъяснимой психологической пристрастности. О ней, к примеру, говорит то, что при реконструкции замысла Вяч. Иванова и дальнейшего продолжения “Повести” большим доверием наделяются свидетельства С. Маковского, хотя С. Маковский с Вяч. Ивановым на эти темы никогда не беседовал, а пересказывает всё с чужих слов, причем со слов именно О.А. Шор. Это предпочтение было и в книге А.Л. Топоркова о “Светомире” 2012 г., сохраняется оно,

⁴ В положении о серии говорится: “Литературный памятник — это художественный (в широком смысле этого слова) текст, обладающий единством, закрепленным либо авторской волей, либо условиями бытования в читательской среде.”

к сожалению, и тут. “К сожалению” потому, что, помимо любых эстетических или филологических аргументов, существуют не менее важные этические и биографические. Отлучая О.А. Шор от “Светомира”, мы, собственно, нарушаем последнюю волю самого Вяч. Иванова, просившего на смертном одре “Повесть” дописать. Как ни парадоксально, но как раз в настоящем издании впервые публикуется письмо О.А. Шор к детям поэта от 26 августа 1967 г. с рассказом об этой авторской просьбе и о том, как этот завет ею исполнялся (см.: [1, с. 211–212]). Насколько удалось или не удалось О.А. Шор это сделать, из вежливости или нет одобрил ее текст такой опытный читатель, как Федор Степун, на мнение которого она ссылается, — спорить об этом можно, но споры эти бесплодны уже потому, что не будь ее любящих забот сначала о самом Вяч. Иванове, а потом о его рукописях, вполне вероятно, что состав черновых выписок и набросков из римского архива поэта в настоящем томе мог оказаться значительно меньше, а главное — не исключено, что сама “Повесть” так и не была бы начата в 1928 г.

Не будем забывать, что приезд О.А. Шор к Вяч. Иванову в Рим в конце 1920-х годов был для него новым жизненным этапом, причиной прилива творческих сил и вдохновения. Само писание “Повести” в подаренной Ольгой Александровной тетради приобретало для автора особый смысл. “Повесть” имеет не только историософский, но и автобиографический, зачастую исповедальный характер — встреча с О.А. Шор, с новой сердечной привязанностью провоцирует воспоминания о прежней жизни и пережитых страстях. Вряд ли можно оспаривать то, что О.А. Шор была и вдохновительницей, а затем первым читателем и критиком. Хотим мы или нет, но в живом общении с ней оттачивались или получали словесную формулировку старые замыслы, рождались новые повороты сюжета. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в ее переписку с Вяч. Ивановым [15, с. 151–455], где “Повесть” фигурирует под шутивным названием “Ахинея” и где Вяч. Иванов также шутивно предрекал розово оперой Фламинго, как он нежно именовал Ольгу Александровну, что через 3000 лет она вернется “на остров Памяти в голубом море, куда, м<ожет> б<ыть>”, и я буду отпущен служить Вам в виде священного, ритмически мурлыкающего кота, и мы сочиним на том острове новую ахинею, апантетическую” [15, с. 423–424]⁵.

⁵ Письмо В.И. Иванова к О.А. Шор от 10 ноября 1930 г. Вот как объяснял Д.В. Иванов в примечаниях к переписке слово “apanтетический”: “Апантема — термин О. Шор, который

После смерти Вяч. Иванова вся жизнь О.А. Шор стала, по сути, продолжением этого “apanтетического” диалога — вся эта жизнь была отдана одному человеку и его наследию, что так высоко ценил сын Вяч. Иванова, Димитрий Вячеславович, благоговейно хранивший память об Ольге Александровне. Так что если в настоящем томе составители не решились дать написанное ею продолжение “Светомира” даже nonпарелем, будем надеяться, что в собрании сочинений Вяч. Иванова предсмертное пожелание автора будет исполнено. Мы не боимся разделов “Dubia” в сочинениях наших классиков. Почему же бояться дать в качестве приложения (ведь никто не говорит о том, чтобы печатать оба текста как единое целое!) текст О.А. Шор, который тоже является в полной мере памятником — в первую очередь биографическим — и имеет самое непосредственное отношение к истории создания Вяч. Ивановым его “неоконченного шедевра”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Иванов Вяч. Повесть о Светомире царевиче* / Изд. подгот. А.Л. Топорков, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкин. М.: Ладомир, Наука, 2015. 824 С. (Литературные памятники). [Ivanov, Vyach. *Povest' o Svetomire tzareviche* [The lay of Prince Svetomir]. Edit. by A.L. Toporkov, O.L. Fetisenko, A.B. Shishkin. Moscow, Ladomir, Nauka Publ., 2015. 824 p. (Literary Monuments).]
2. *Наследие Н.А. Римского-Корсакова в русской культуре. К 100-летию со дня смерти композитора*. М.: ООО “Дэка-ВС”, 2009. [Nasledie N.A. Rimskogo-Korsakova v russkoj kul'ture. K stoletiju so dnia smerti kompozitora [N.A. Rimsky-Korsakov' Heritage in Russian Culture. To the Centenary of the Composer's Death]. Moscow, ООО Deko-VS Publ., 2009.]
3. *Топорков А.Л. Источники “Повести о Светомире царевиче”: древняя и средневековая книжность и фольклор*. М.: Индрик, 2012. [Toporkov, A.L. *Istochniki “Povesti o Svetomire tzareviche”: drevnija i srednevekovaja knizhnost' i folklor* [Sources of Vyacheslav Ivanov' “The lay of Prince Svetomir”: The Ancient and Medieval Book-Learning and Folklore]. Moscow, Indrik Publ., 2012.]

она производила от греческого корня апант — встреча, совпадение, одно из основных понятий ее философской системы, изложенной в книге Мнемология. Оно близко формуле В. Иванова Ты еси, следовательно, я есмь: человек познает реальность самого себя тем, что встречает реальность другого человека. Апантетизм — это внутренняя связанность; он соотносится с другим понятием — соборностью, радикальное начало которой — ты еси, я есмь, мы связаны, так как вместе укоренены в абсолютном существе, которое есть Бог” [15, с. 266].

4. *Топорков А.Л.* Символика и функции сновидений в “Повести о Светомиरे царевиче” Вяч. Иванова // Известия РАН, Серия литературы и языка. 2015. Т. 7. № 4. [Toporkov, A.L. [The symbolics and function of dreams in Vyach. Ivanov’s “The lay of Prince Svetomir”] *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2015. Vol. 74. № 4.]
5. *Тахо-Годи Е.А.* Образ царевича Светомира и его мифологические, агиографические, фольклорные и поэтические претексты // Известия РАН, Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 4. [Takho-Godi, E.A. [The Image of Prince Svetomir and Its Mythological, Agiographic, Folklore, and Poetic Pretexts] *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2015. Vol. 74. № 4.]
6. Новгородские губернские ведомости. Отдел II. 1849. № 41 [Novgorodskie gubernskie vedomosti. Part II. 1849. N41.]
7. *Аксаков И.С.* Письма к родным (1849–1856) / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994 (Литературные памятники) [Aksakov, I.S. *Pis'ma k rodnym (1849–1856)* [Letters to Relatives (1849–1856). Edited by T.F. Pirozhkova]. Moscow, Nauka Publ., 1994.]
8. Москвитянин. 1850. Кн. 1. № 3. [Moskvitianin. 1850. Vol. 1. N3.]
9. *Масанов Ю.И.* В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М.: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1963. [Massanov, Yu.I. *V mire psevdonimov, anonimov i literaturnyh poddelok* [In the World of Pseudonyms, Anonymous and Literary Falsifications]. Moscow, Union book chamber Publ., 1963.]
10. *Козлов В.А.* Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII – XIX веков. М.: Аспект Пресс, 1996 [Kozlov, V.A. *Tajny fal'sifikazii: analiz poddelok isyoricheskikh istochnikov XVIII – XIX vekov* [Secrets of Falsification: an Analysis of the Forgery of Historical Sources XVIII – XIX Centuries]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996.]
11. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Отв. ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М.: ИА РАН, 2011. [Fal'sifikatzija istoricheskikh istochnikov I konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov [Falsification of Historical Sources and Creation of Ethnocratic Myths. Edited by A.E. Petrov, V.A. Shnirel'man]. Moscow, Institute of archaeology of the RAS Publ., 2011.]
12. Северная пчела. 1851. № 26, 1 февраля. [Severnaja pchela. 1851. N26, 1 febr.]
13. *Никанорова Е.К., Ромодановская Е.К.* Литературные источники поддельных документов // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. [Nikanorova, E.K., Romodanovskaja, E.K. *Literaturnye istochniki poddel'nyh dokumentov* [Literary sources of forged documents]. Siberian philological journal. 2012. N. 2.]
14. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. [Biblioteka literatury Drevnej Rusi [Old Russian Literature Library. Edited by D.S. Lihachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. Vol. 1.]
15. Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор / Подгот. текста А. Кондюриной, Л. Ивановой, примеч. А. Кондюриной, Л. Ивановой, Д. Рицци, А. Шишкина // Русско-итальянский архив. Т. III: Вячеслав Иванов – новые материалы. Салерно. 2001. [Perepiska Vyach. Ivanova s Olgoj Shor [The Correspondence of Vyach. Ivanov and Olga Shor. Edited by A. Kondurina, L. Ivanova, Comment by A. Kondurina, L. Ivanova, D. Rizzi, A. Shishkin. Russian-Italian archive. Vol. III: Vyacheslav Ivanov – New Materials]. Salerno, 2001.]